

Лермонтов и/или Бруклин в рассказе А. Михалопулу «Лермонтов»

Е. Г. Доценко
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье анализируется рассказ греческой писательницы А. Михалопулу «Лермонтов», рассматриваются аллюзии на роман Бетти Смит «Дерево растет в Бруклине» и творчество отечественного классика.

Ключевые слова: А. Михалопулу, М. Ю. Лермонтов, Б. Смит, рассказ, стихотворение, постмодернизм.

E. G. DOTSENKO. *Lermontov and/or Brooklyn in Amanda Michalopoulou's short story "Lermontov"*

Abstract. The short story "Lermontov" by a contemporary Greek writer Amanda Michalopoulou is analyzed in the article. The author of the article reveals in Michalopoulou's story several allusions to the novel "A Tree Grows in Brooklyn" by Betty Smith and to the poems by M. Yu. Lermontov.

Keywords: Amanda Michalopoulou, M. Yu. Lermontov, Betty Smith, short story, poem, postmodernism.

Первое знакомство с рассказом греческой писательницы Аманды Михалопулу «Лермонтов» способно оставить читателя в недоумении, привычно оформляемом гамлетовскими словами: «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» Однако случайно выстроившаяся параллель сразу же заявляет о своих правах, поскольку и Гекуба, и Михалопулу имеют весьма определенное отношение и к Греции, и к греческой литературе. А вот «что ей», то есть А. Михалопулу, русский классик, и почему она назвала «Лермонтов» свое, казалось бы, не обращающееся ни к жизни, ни к творчеству М. Ю. Лермонтова произведение? Разумеется, постмодернистская литература давно приучила нас к аллюзиям самым вольным, а интерес современной западной литературы к русской классике можно считать не только беспорным, но и устойчивым.

Проявившись еще в конце XIX в., русский бум не становится менее значительным уже на протяжении полутора столетий, но и не является однозначным или однородным — если иметь в виду творческие влияния, художественные направления и авторские имена. Показательно, например, существование интернациональных научных сообществ, объединяющих филологов, изучающих творчество того или другого автора: совершенно не удивляет в этом смысле популярность, например, А. П. Чехова или Ф. М. Достоевского¹. Имя и творчество Лермонтова тоже хорошо известно на Западе, хотя с Достоевским, вероятно, сопоставлять было бы сложно, но здесь (в качестве компенсации?) есть своя «региональная» специфика: М. Лермонтова считают почти «своим» в Шотландии, и среди культурных новостей текущего года можно встретить сообщения о лермонтовском

¹ The International Dostoevsky Society; the North American Chekhov Society.

фестивале, посвящённом 200-летию поэта, на родине его предков — в Шотландии [The Scottish roots of renowned Russian poet Lermontov; Lermontov Festival in Scotland]. Другое дело, что в художественных текстах упоминается или присутствует на уровне аллюзий и референций Лермонтов неизмеримо реже, чем имена и произведения «наиболее востребованных» российских классиков. Тем любопытнее обратиться к небольшому греческому источнику с таким знаковым и четким наименованием.

Аманду Михалополу (р. 1966) называют одним из наиболее значительных современных греческих писателей, ее романы и рассказы переведены на целый ряд языков, признание на Западе ощутимо продвигается последние годы — по мере издания по-английски недавних романов писательницы «Мне бы хотелось» (2005) и «Почему я убила свою лучшую подругу» (2014). Российскому читателю пока знаком только один рассказ, включенный в подборку «Полнозвучие греческой лиры» номера «Иностранной литературы» (№ 2, 2008). Несмотря на эффектную привлекательность «русского» названия, рассказ — по тематике и по стилистике, — очевидно, вполне характерен для творчества Михалополу, выявляя склонность автора к метаповествованию и мистификациям [Fragoroulos]. Среди влияний на творчество писательницы упоминают Дж. Джойса как автора «Дублинцев», поскольку роман «Мне бы хотелось» сходным образом состоит из новелл, и Х. Л. Борхеса — не только как основоположника постмодернистского подхода к метатексту, но и как новеллиста.

Тематически проза Михалополу тяготеет к освещению проблем женской дружбы. Из одного произведения в другое переходят у писательницы образы девочек, женщин и даже старушек, подвергающих себя испытанию — иначе и не скажешь — дружбой. «Написанный просто и красиво, роман „Почему я убила свою лучшую подругу“ сопоставляет и исследует дружбу и политические системы тоталитаризма и демократии», — говорится в одной из рецензий на роман [Shteyngart]. В рассказе «Лермонтов» героинями являются подруги — девочки-школьницы, которым доводится встретиться вновь много лет спустя уже взрослыми молодыми женщинами. Рассказ, соответственно, разворачивается в двух временных планах и посвящен воспоминаниям о детской дружбе и традиционной для подобных встреч беседе бывших подруг о том, как на настоящий момент складываются их судьбы.

Структурообразующей — и на уровне женской темы, и в связи со всевозможными вымыслами — в произведении Михалополу является аллюзия

на роман американской писательницы Бетти Смит «Дерево растет в Бруклине» (1943). Это классика детской литературы, переведенная на многие языки (но не на русский) и экранизированная еще в 1945 г. Великолепная экранизация «Дерева» — дебютный фильм Элиа Казана (тоже неизвестный в нашей стране, в отличие, например, от знаменитой «Куколки») — в рассказе А. Михалополу не упоминается, но вполне может восприниматься как фигура умолчания: знаменитый американский режиссер — грек по национальности, его семья эмигрировала из Константинополя в Нью-Йорк. Эмигрантами в Нью-Йорке являются и герои Бетти Смит, а у А. Михалополу тема переезда одной из героинь в Бруклин (Нью-Йорк) присутствует как значимая, но, скорее, как еще один заданный литературой сдвиг, межкультурное смещение.

Герои «Дерева растет в Бруклине», не коренные американцы, сталкиваются с множеством проблем экономического и социального порядка, но «дерево» пускает корни. Главная героиня романа Бетти Смит — девочка Франсин (Фрэнси) Нолан, ее возраст в центральной части книги примерно тот же, что и девочек-подружек в рассказе Михалополу, однако на первом плане здесь взаимоотношения в семье, а не с друзьями, как можно было бы предположить. Девочка пытается выстроить свой мир и во взаимоотношениях с родителями, и собственно в американской действительности, и в мире книг: она любит читать и любит мечтать. Америка ей «досталась» не самая благополучная как пространственно (Бруклин), так и хронологически, поскольку события разворачиваются перед первой мировой войной, и все же Франсин не сдаётся, и путь к успеху не заставляет ее отказаться от сформированных книгами идеалов. Она — такое же редкое явление, как деревья в бедном районе Бруклина, среди которых, конечно, есть и любимое «дерево»: «Дерево, дом, даже изгородь — они действительно существуют. Их даже показывают туристам» [Михалополу 2008: 223].

Центральный персонаж рассказа Михалополу высказывается о маленькой девочке, названной уже в честь книжной героини Франсин: «Создание, выросшее в Бруклине, носящее имя Франсин, лелеемое родителями: она должна быть не похожей на других, во всем идти до конца...» [Михалополу 2008: 227]. «Дерево растет в Бруклине» для героинь рассказа греческого автора — любимая детская книжка одной из подруг, Катерины: это она, став взрослой, будет жить в Бруклине и назовет свою дочку Франсин. По мнению главной героини Ирены, выступающей в рассказе и в качестве героя-повествователя, с Франсин из книги Бетти Смит (и с деревцем, соответ-

ственно) отождествляет себя ее подруга. Казалось бы, такая параллель логична: Катерина, например, тоже перешла, как Франсин, в новую школу уже в среднем звене и из «другого района города». Но, поскольку параллель действительно важна, кто из двух девочек больше похож на Фрэнси Нолан, — вполне правомерный вопрос. Впечатлительность, любовь к чтению характеризуют как раз рассказчицу Ирену. И это она в детстве идеализирует в качестве творческой ту среду, в которой растет ее подруга. Катерина — из семьи интеллектуалов, «связанных с университетом», практически не обращающих внимания на быт, зато имеющих большое и разнообразное книжное собрание. В их доме разрешают читать книги, забравшись с ногами на диван, а подругам дочери можно оставаться ночевать. В книжном собрании, есть, в частности, американские авторы. Из русских ассоциаций первым упоминается Маяковский, затем книга «История русской революции». Но Катерина — в отличие от Ирены — родительской библиотекой интересовалась мало, и «вновь и вновь перечитывала» лишь «Деревце растет в Бруклине».

Своих родителей Ирена в детстве считает мещанами, в доме у них царит культ чистоты, в качестве украшения стоит чучело птицы, а из книг (тоже украшение, которое не должно пылиться) больше всего привлекает внимание подарочное издание многотомной энциклопедии, которой родители очень гордятся. Подругу в свой дом Ирена долго стесняется пригласить, но, став взрослой, сама анализирует тот самый «тоталитаризм» дружбы: «Меня никогда не загоняли в рамки. Ну да, у нас дома царила маниакальная идея порядка — и что с того? Может, пестуй я свои странности, я бы стала писательницей. Но, когда мне было пятнадцать, я сравнила две книжные полки — и сделала выводы. И это заставило меня страдать» [Михалополу 2008: 227]. Впрочем, и проблемы, и образ, и книжный шкаф все же придумывает себе сама героиня. Она, наконец, решается пригласить подружку в гости, но при этом они с братом изобретают, как создать видимость книжного присутствия: тома энциклопедии нужно обернуть бумагой, а на обложках написать самые разнообразные названия — тех книг, что поразили Ирену у подруги. Кстати, в романе про Фрэнсин Нолан тоже есть эпизод с обманом, связанным с социальным положением. И учительница в произведении Бетти Смит мягко выговаривает пытавшейся сказать неправду Фрэнси, что небольшая и, казалось бы, невинная ложь может повлечь за собой большие последствия.

«Ошибка» неопытной обманщицы Ирены заключается в том, что она подделывает не просто хоро-

шее книжное собрание, но пытается воспроизвести «книжный шкаф» подруги. И как только Катерина приходит в гости (без какой-либо цели сравнивать домашние библиотеки), предлагает ей посмотреть книги или, скорее, посмотреть «на книги», поскольку в руки подделку брать нельзя. Юная хозяйка квартиры «не забыла» изобразить и «Деревце растет в Бруклине», хотя эту книжку по здравом размышлении не стоило воссоздавать при помощи толстого тома энциклопедии. Катерине, конечно, захотелось полистать такое необыкновенное «Деревце» «с картинками», и обман (словно деревце) разрастается, так как приходится объяснять, почему «старинное» издание не походит на другие, и что родители строго следят за порядком в книжном шкафу. Рассказ А. Михалополу тем временем подходит к своей кульминации:

— А почему на обложке написано «Лермонтов»? — спросила она. — Это ведь Бетти Смит — автор «Деревца»!

Все-таки, я напутала. Не запомнила с одного раза. Все эти русские, немцы, американцы. Мужчины и женщины с труднопроизносимыми именами, рядами стоящие у них на полке. Эпохи, теории, история. Все вперемежку. — Лермонтов, — медленно повторила я. — Лермонтов. Это ведь псевдоним Бетти Смит. В те времена женщины нельзя было просто печататься под своим именем. Женщин тогда угнетали. А правда — она всплыла потом. Лермонтов был... женщиной. — От этой внезапной лжи у меня пересохло во рту.

— Серьезно? А почему она взяла русский псевдоним?

— А ты не заметила, как она относится к бедным? Бетти Смит была коммунисткой! [Михалополу 2008: 228].

Дружбе между девочками этот эпизод неизбежно кладет конец. Ирене еще долго будет стыдно за свой обман, и она боится разоблачения: должна же, как ей кажется, подруга когда-то снять с полки настоящего Лермонтова. Но ни в детстве, ни во время случайной встречи двадцать лет спустя насмешек Ирена так и не слышит. И героиня, и читатель могут сомневаться в том, был ли обман вообще когда-нибудь раскрыт, или, как тоже проговаривалось в тексте, Катерина «просто глупей», чем можно подумать, и так и не догадалась, насколько несообразной была ложь. Впрочем, финальный разговор между взрослыми подругами оставляет нас в большей мере с вопросами, чем с ответами:

— И дочку ты назвала Франсин, — вырвалось у меня, помимо воли, слишком ярки были воспоминания. — Ты так и не забыла «Деревце в Бруклине».

— Да нет, забыла, — пожалала плечами Катерина. — Но муж — он шотландец, и при этом в роду у него были русские. Представляешь? Когда мы встретились

с ним, я вспомнила про русский псевдоним Бетти Смит. Мир, что не говори, так мал... Вот я и выбрала для дочери имя Франсин. Оно напомнило мне школу, тебя, наш книжный шкаф. А это издание с картинками, которое было у твоего отца! [Михалополу 2008: 229].

Финал рассказа способен совершенно перевернуть восприятие и забавного эпизода с ярким обманом, вокруг которого строился сюжет, и характеров героинь. Во всяком случае, судя по свободному упоминанию «шотландско-русского» происхождения мужа Катерины (причем тоже инвертированного — по сравнению с шотландскими корнями русского классика), о Лермонтове она слышала не только в связи с «псевдонимами» и «коммунистами», а в шотландском вкладе в русскую культуру разбирается едва ли не на уровне Лермонтовской энциклопедии [Мурьянов 1981: 467–468]. Подобная реабилитация «глупенькой» Катерины заставляет пересмотреть и ее отношение к родительской книжной коллекции. Была ли девочка, увлеченно читавшая роман Бетти Смит, совершенно индифферентна к более серьезным изданиям из домашнего собрания? Ведь впервые придя в гости к подруге, Ирена слышит вопрос: «А Маяковского ты читала?» [Михалополу 2008: 224]. Возможно, книги на полках и не были страстью Катерины, но вряд ли девочка, выросшая в книжной среде, совершенно не имела представления об авторах и национальных литературах, этими книгами представленными. Женская дружба, столь значимая для рассказов А. Михалополу, в таком случае оказывается важной не только для рефлектирующей Ирены, но и для Катерины, не захотевшей смущать подругу ради установления «книжной» правды.

Другое дело, что, оставив читателям выбор на уровне интерпретации поступков своих героев, А. Михалополу позволяет нам строить предположения по поводу глубины ее собственного знакомства с русской классикой. «Что ей Гекуба», и случайно ли из русских авторов уже сама писательница, а не ее героиня выбирает имя Лермонтова в качестве «псевдонима Бетти Смит»? Недавние мероприятия, посвященные юбилею поэта, предоставили возможность задать эти вопросы и специалистам, занимающимся творчеством Лермонтова, и студентам-филологам разных ступеней обучения. Ответ удивляет единодушием: образ дерева в поэзии М. Ю. Лермонтова не мог не сказаться в выстраивании парадигмы вокруг метафоры «Дерево растет в Бруклине». Трудное детство «дерева»-Франсин включилось бы, таким образом, в традицию высокого поэтического

обобщения, утверждаемую программным лермонтовским стихотворением:

Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.
И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда
(«1831-го июня 11 дня»)

[Лермонтов 1958: 187].

Анализируя в своей монографии «Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы» стихотворение «1831-го июня 11 дня», С. И. Ермоленко сопоставляет пейзажные образы лорда Байрона (в «Послании Августе») и М. Ю. Лермонтова — сразу двух поэтов «с шотландскими корнями»: «в том и другом произведении возникает образ Мира. Но у Байрона он имеет подчеркнута земной, локальный характер (что обычно для послания): деревья, цветы, ручьи, величественный альпийский пейзаж, настраивающий на глубокие и сосредоточенные раздумья <...> Лермонтов же создает совсем другой образ — образ поистине вселенского масштаба, вместивший одновременно небеса и реки, степи и моря, «гордые снежные горы» и пустыни — словом, все то, что в реальности не может существовать в одной точке пространства сразу» [Ермоленко 1996: 90–91]. Романтическое воплощение одиночества лирического героя с помощью образа дерева «на скале» или посреди «песчаной пустыни» характерно и для Байрона, и для Лермонтова, и для Г. Гейне. (У Байрона:

Есть в пустыне родник, чтоб напиться,
Дерево есть на лысом горбе,
В одиночестве певчая птица
Целый день мне поет о тебе.

«Стансы к Августе», пер. Б. Пастернака
[Байрон 1974: 106].

Но именно лермонтовские деревья — «Три пальмы», «На севере диком» — заслуженно закреплены в качестве классических, в том числе и в школьном (во всех смыслах) восприятии.

Семантика образа дерева у Лермонтова далеко не однозначна. В недавней статье, посвященной лермонтовским «Завещаниям», С. И. Ермоленко рассматривает стихотворение с показательным названием «Дереву» и делает следующее заключение: «В нем главным становится другой мотив — погибшей

любви, раскрывающийся с помощью характерного для лермонтовской лирики приема — развернутого сравнения («*И дерево с моей любовью/Погибло, чтобы вновь не цвести...*»), переходящий в заключительной строфе в размышление лирического героя о бессмертии творческого «духа», преодолевающего смерть» [Ермоленко 2014: 31]. Было бы, вероятно, преувеличением предполагать чрезвычайно глубокое знакомство А. Михалополу с творчеством Лермонтова, однако собственно тема разлуки (и тоски по невозможной дружбе) в связи с образом одиноко стоящего дерева вполне может быть известна западному читателю, а в произведении современного автора благодаря метафорам из «Деревце растет в Бруклине» актуализируются и жизнеутверждающие мотивы. Для Аманды Михалополу в ее рассказе-мистификации о Лермонтове-Бетти Смит, думается, интересна также своеобразная идея замещения одного автора другим на уровне знаменитых влияний: Лермонтов и Байрон, Лермонтов и Гейне... В результате, небольшой рассказ греческой писательницы становится очень симпатичным многоуровневым текстом и настоящим подарком даже российским любителям творчества отечественного классика.

ЛИТЕРАТУРА

Fragopoulos G. “I’d like” by Amanda Michalopoulou. URL: <http://quarterlyconversation.com/id-like-by-amanda-michalopoulou-review> (дата обращения: 05.09.2014).

Lermontov Festival in Scotland/event in Nairn on the 7th October. URL: <http://www.gurnnurn.com/2014/10/lermontov-festival-in-scotlandevent-in.html> (дата обращения: 21.11.2014).

Shteyngart G. // “Why I Killed My Best Friend” by Amanda Michalopoulou. URL: <http://www.goodreads.com/book/show/18801330-why-i-killed-my-best-friend> (дата обращения: 05.09.2014).

The Scottish roots of renowned Russian poet Lermontov // Russia Beyond the Headlines. URL: http://rbth.com/arts/2014/10/16/the_scottish_roots_of_great_russian_poet_lermontov_40663.html (дата обращения: 03.11.2014).

Байрон Дж. Г. Сочинения: в 3 т. / пер. с англ. М.: Худож. лит., 1974. Т.1. — 462 с.

Ермоленко С. И. «Завещания» М. Ю. Лермонтова: к проблеме творческой эволюции // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 27–39.

Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: Изд-во АРГО, 1996. — 420 с.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. — 754 с.

Михалополу А. Лермонтов / пер. с новогреч. И. Ковалевой, А. Нестерова // Иностранная литература. 2008. № 2. С. 222–229.

Мурьянов М. Ф., Шехурина Л. Д., Панфилова С. А. Род Лермонтовых // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 467–468.

ДАнные об авторе

Доценко Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 279

Эл. почта: eldot@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dotsenko Elena Georgiyevna is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Methodics of its Teaching, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).